

КОНФЕРЕНЦИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ ПО ТОРГОВЛЕ И РАЗВИТИЮ

**ДОКЛАД О ТОРГОВЛЕ И РАЗВИТИИ
ЗА 2000 ГОД**

ОБЗОР

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

ВНИМАНИЕ

Настоящий доклад не может
цитироваться или кратко излагаться
в прессе, по радио или телевидению
до **22 час. 00 мин. по Гринвичу**
19 сентября 2000 года

**КОНФЕРЕНЦИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ
ПО ТОРГОВЛЕ И РАЗВИТИЮ
Женева**

**ДОКЛАД О ТОРГОВЛЕ И РАЗВИТИИ
ЗА 2000 ГОД**

ОБЗОР

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ
Нью-Йорк и Женева, 2000 год

Примечание

- Условные обозначения документов Организации Объединенных Наций состоят из прописных букв и цифр. Когда такое обозначение встречается в тексте, оно служит указанием на соответствующий документ Организации Объединенных Наций.
- Употребляемые обозначения и изложение материала в настоящем издании не означают выражения со стороны Секретариата Организации Объединенных Наций какого бы то ни было мнения относительно правового статуса страны, территории, города или района или их властей или относительно делимитации их границ.
- Материалы, содержащиеся в настоящем издании, можно свободно цитировать или перепечатывать, однако при этом необходимо делать соответствующую оговорку со ссылкой на номер документа. Экземпляр издания, содержащего цитируемый или перепечатываемый материал, следует направлять в секретариат ЮНКТАД.
- Содержащийся в настоящем документе обзор издается также в качестве части Доклада о торговле и развитии за 2000 год (UNCTAD/TDR/(2000), в продаже под № R.00.II.D.19).

UNCTAD/TDR/(2000) (Overview)

ОБЗОР

Сегодня в борьбе за внимание всего мира между собой соперничают две мощные глобальные экономические силы. С одной стороны, политиков, в том числе в беднейших странах мира, влечет перспектива построения "новой экономики" на основе достижений в области информационных и коммуникационных технологий. С другой, рост нестабильности и неопределенности в связи с глобализацией вызывает у них глубокую озабоченность относительно последствий финансовых потрясений для динамики роста; опыт ряда развивающихся стран из числа добившихся наибольших успехов показал, насколько пагубным может быть воздействие этих сил.

Пока же в наибольшем выигрыше оказались Соединенные Штаты. По некоторым данным, распространение новых технологий уже повысило их потенциал роста. Кроме того, прокатившиеся по странам с формирующейся рыночной экономикой финансовые кризисы помогли Соединенным Штатам сохранять высокие темпы роста, поскольку в эту "безопасную гавань" перетекал капитал, а дешевый импорт облегчал контроль над инфляцией. В отличие от Соединенных Штатов в Европе и Японии влияние новых технологий было значительно менее заметным. Что касается развивающихся стран, то большинство их компаний пока не извлекло из этого практически никакой пользы, и такой "цифровой водораздел" вызывает у политиков растущую обеспокоенность.

Различия в темпах роста между промышленно развитыми странами и высокий курс доллара привели к углублению диспропорций в торговле, поскольку для всех стран мира Соединенные Штаты превратились в "покупателя на крайний случай". В то же время технологические достижения и финансовые новации в своем сочетании усугубили нестабильность, присущую нынешним финансовым и торговым потокам. Мания трансграничных слияний и поглощений способствовала ничем не оправданному вздуванию стоимости акций технологических компаний во всем мире, курсы которых росли значительно быстрее, чем производительность труда, причем даже в Соединенных Штатах.

Задача корректировки глобальных экономических диспропорций ложится на одну лишь денежно-кредитную политику. Это вызывает озабоченность. Нынешние глобальные макроэкономические диспропорции в известной мере тревожно напоминают диспропорции 70 и 80-х годов, когда отсутствие сотрудничества и несогласованность действий между основными экономическими державами становились причиной системных кризисов и "жесткого приземления". И все то, что мы узнали о глобальной экономике за последние несколько десятилетий, говорит о том, что неспособность устранить такие диспропорции упорядоченным образом повлечет самые пагубные последствия для экономического роста в развивающихся странах.

Глобальный экономический рост и диспропорции

В 1999 году в мировой экономике произошел благоприятный поворот, развеявший опасения относительно того, что в ней наступит спад. Уверенный рост сопровождался также положительными изменениями в мировой торговле и возвращением валютного и финансового рынков после двух предыдущих лет хаоса к более или менее нормальному состоянию. Этому в значительной степени способствовало сочетание ряда непредвиденных и единовременных событий.

Масштабы ожидавшегося хаоса в связи с компьютерной проблемой 2000 года и сопряженных с ним экономических издержек оказались сильно преувеличенными; так, во избежание любых потенциальных сбоев предпринимательский сектор во всем мире произвел огромные вливания ресурсов в мировую экономику в пределах, по оценкам, примерно 1-2% глобального ВВП. Отказ от политики жесткой экономии в Восточной Азии во второй половине 1998 года позволил в значительной степени восполнить потери объемов производства, понесенные ранее в результате финансового краха, и добиться превышения темпов роста в развивающемся мире над темпами роста в промышленно развитых странах после отставания в 1998 году. Резко возросшие цены на нефть придали неожиданное ускорение развитию экономики России, где был отмечен умеренный рост вопреки широко распространенным ожиданиям углубления спада.

Однако самое важное заключается в том, что в экономике Соединенных Штатов продолжался подъем, который опровергал прогнозы и темпы которого значительно превышали уровень, обычно принимаемый за предельный потенциал долгосрочного роста. При темпах экономического прироста, превышающих 4%, уровне безработицы, упавшей ниже 4-процентной отметки, и увеличении импорта на 12% экономика Соединенных Штатов продолжала выступать для глобальной экономики в роли "добраго спасителя".

В целом ближайшие перспективы развития мировой экономики улучшились: предполагается, что в этом году прирост превысит 3%. Значительный оптимизм вселяет также то, каким образом мир справился с резким повышением цен на нефть, наблюдавшимся с середины 1999 года. Воздействие на уровне инфляции до сих пор являлось незначительным, и построенные различными организациями имитационные модели указывают на то, что последствия устойчивого повышения цен на нефть для динамики глобального роста будут ограничены и коснутся преимущественно развивающихся стран - импортеров нефти.

Возможно также, что в последующие годы мировая экономика даже еще более окрепнет, что выразится в увеличении глобальных темпов роста в сочетании с повышением экономической стабильности. Экономике Соединенных Штатов, возможно, удастся избежать и чрезмерного "перегрева", и излишнего "охлаждения", обеспечив упорядоченное замедление роста до такого устойчивого уровня, который будет совместим с более высоким потенциалом, сокрытым в новых технологиях. Повышение темпов роста в Европе и Японии, обусловленное адаптацией к новым экономическим условиям, по-видимому, позволит им перенять эстафету от Соединенных Штатов, которые в настоящее время играют роль единственного двигателя глобального роста. Согласно этому идеальному сценарию цены на нефть и процентные ставки выравниваются, а обменный курс доллара будет постепенно скорректирован таким образом, чтобы повысить ценовую и финансовую стабильность. И наконец, возобновление притока частных капиталов в совокупности с дальнейшим продолжением внутренних реформ и распространением новых технологий начнет приносить развивающимся странам долгожданные плоды глобализации.

Однако, по общему признанию, ущерб, нанесенный азиатским кризисом, нельзя восполнить одними лишь заклинаниями о необходимости создания новой экономики, и для практического использования возможностей, открываемых процессом глобализации, потребуются значительные политические усилия. В настоящее время не только не устранены глубинные причины, породившие опасения относительно спада в 1998-1999 годах, но и возникают новые угрозы, в условиях

существования которых любое непредвиденное изменение может привести к разрушительным последствиям не только для промышленно развитых стран, но и, в еще большей степени, для развивающихся стран. Перспективы роста для последней группы стран могут резко ухудшиться, если крупные промышленно развитые страны будут продолжать строить свою политику без учета ее глобального воздействия на торговлю и движение капитала.

Факторы, которые помогли экономике Соединенных Штатов устремиться вперед, в свою очередь усугубили финансовую нестабильность и обострили глобальные диспропорции. "Бегство капитала в качество", начавшееся после азиатского кризиса и стремительно ускорившееся осенью 1998 года после кризиса, разразившегося в Российской Федерации, послужило серьезным стимулом для развития экономики Соединенных Штатов, вздув "пузырь" цен на активы и тем самым побуждая частный сектор к увеличению расходов за счет доходов от прироста капитала. Кроме того, сочетание быстрого роста внутреннего спроса и высокого курса доллара вылилось в увеличение внешнего дефицита, достигшего 4% ВВП. Экономическое оживление на формирующихся рынках подхлестнуло спрос на долларовые активы, поскольку накапливаются резервы на случай возникновения кризисов в будущем. Как и другие страны с положительным сальдо, Япония также предпочитает вкладывать свои поступления от торговли с Соединенным Штатами в долларовые активы. Совпадение во времени бюджетного дефицита и увеличения эмиссии правительственных облигаций в этой стране с бюджетным профицитом и сокращением эмиссии правительственных облигаций в Соединенных Штатах сулило перспективы получения доходов по государственным облигациям Соединенных Штатов, что спровоцировало отток средств из Японии. В борьбу включились также европейские и японские ТНК, стремящиеся получить доступ к технологическим достижениям, которых уже добились компании Соединенных Штатов. Крупнейшие слияния и приобретения в секторе новейших технологий, о которых кричат заголовки на первых страницах газет и журналов, привели к образованию финансового "пузыря" на рынке акций технологических компаний, настроения которого

определялись не столько надежными перспективами получения прибыли, сколько самодостаточными ожиданиями.

Сочетание таких факторов, как сокращение частных сбережений, увеличение задолженности частного сектора, рост дефицита по текущим операциям и "мыльный пузырь" на рынке акций технологических компаний, не только создавало кейнсианский стимул для развития экономики Соединенных Штатов, но и подкреплялось неизменной привлекательностью долларовых активов для нерезидентов. Однако это положение не может сохраняться до бесконечности. Факторы, способствующие ускорению роста в Соединенных Штатах, в то же время понизили эффективность денежно-кредитной политики как инструмента обеспечения "мягкого приземления"; высокие процентные ставки пока служили средством привлечения большего объема иностранного капитала, тем самым подпитывая рост цен на активы и выступая дополнительным фактором повышения эффективного спроса, укрепления позиций доллара и увеличения торгового дефицита.

В отличие от Соединенных Штатов темпы экономического прироста в ЕС в 1999 году оказались ниже уровня 1998 года, однако в целом, как ожидается, они все же составят 3% или более, вселяя надежду на то, что ЕС вскоре займет место Соединенных Штатов как двигатель глобального роста. Однако даже в сценарии ускоренного роста Европа вряд ли обеспечит сопоставимый спрос, который послужил бы стимулом для развития всех других стран мира. Рывки в темпах роста европейской экономики были связаны с увеличением экспорта, которому в прошлом году способствовало ослабление евро и активное развитие экономики Соединенных Штатов. Трения внутри "Евроленда" между странами с высокими и низкими темпами роста существенно осложняют выработку общей денежно-кредитной стратегии в условиях, когда политическая самостоятельность Европейского центрального банка (ЕЦБ) подрывается более тесной интеграцией глобальных финансовых рынков, повышением "чувствительности" потоков капитала к изменению процентных ставок в Соединенных Штатах и, вопреки первоначальным ожиданиям, укреплением позиций доллара как резервной валюты. Любой скачок ставок в Соединенных Штатах может блокировать инвестиционный процесс

и подорвать экономический рост в Европе. Ни один из перечисленных моментов не указывает на формирование благоприятного макроэкономического курса, который мог бы стать фундаментом для высокотехнологического кейнсианского подъема, подобного переживаемому в последние несколько лет самой богатой страной мира. Не улучшает ситуацию и то гипнотическое действие, которое концепция "не ускоряющего инфляцию уровня безработицы" (NAIRU) по-прежнему оказывает на европейскую макроэкономическую политику, даже несмотря на то, что теория, согласно которой высокий уровень безработицы носит структурный характер и его нельзя понизить без ускорения темпов инфляции, опровергается нынешним опытом Соединенных Штатов, где политика стимулирования экономического роста подпитывает рост производительности труда.

В прошлом году, после снижения темпов прироста в 1998 году более чем на 2%, в экономике Японии был отмечен экономический рост. Однако высокие показатели в первой половине 1999 года в значительной степени обеспечивались за счет дополнительных государственных расходов, и после прекращения таких инъекций годовые темпы прироста опять упали до уровня, составляющего всего 0,3%. Свое позитивное влияние оказало экономическое оживление в Восточной Азии, причем в основном благодаря присутствию в регионе японских производителей, и в настоящее время, по мере увеличения расходов частного сектора, перспективы становятся более обнадеживающими: возможно, темпы прироста за весь год превысят 2%. Однако расходы частного сектора по-прежнему структурно ограничены финансовым наследием избыточных инвестиций в период бума в конце 80-х годов и неуклонным повышением уровня безработицы, который сегодня близок к 5%. Степень уверенности японских домашних хозяйств и компаний по-прежнему невысока, и поиск верного курса осложняется увеличением государственного долга, составляющего сегодня свыше 100% ВВП. Японским политикам неплохо было бы вспомнить о том, что проблема дефицита Соединенных Штатов решалась в контексте ускорения темпов экономического роста. Процесс оживления в Японии может быть также подорван преждевременным ужесточением денежно-кредитной политики и укреплением иены.

Опыт 60-х и 80-х годов свидетельствует о том, что серьезный дисбаланс во внешних платежах и потоках капиталов между Соединенными Штатами и другими крупными промышленно развитыми странами могут создать серьезную угрозу глобальному росту и стабильности, поскольку инвесторы в странах с положительным сальдо могут резко потерять интерес к вложению средств в долларовые активы. Тот факт, что эти диспропорции в настоящее время связаны с дефицитом не государственного, а частного сектора, еще более усугубляет ситуацию ввиду повышения риска, сопряженного с вложением средств в долговые обязательства частного сектора.

Хотя повышение процентных ставок в Соединенных Штатах по сравнению с другими странами мира практически не способствовало бы сглаживанию глобальных диспропорций в динамике экономического роста и торговли, оно в любом случае мало вероятно, поскольку ЕЦБ пытается следовать за процентными ставками Соединенных Штатов, с тем чтобы защитить новую валюту, а страны с формирующейся рыночной экономикой вынуждены поступать точно так же, для того чтобы сохранить приток капитала. Общее повышение учетных ставок в индустриальном мире, включая Японию, которая в настоящее время, как представляется, решила отказаться от своей политики нулевых ставок, практически не изменило бы нынешней структуры обменных курсов и торговых балансов, но создало бы проблемы для развивающихся стран-должников. Поскольку фискальные рычаги более не фигурируют в арсенале инструментов управления на макроэкономическом уровне, а координация политики осуществляется, если это вообще делается, не столько для предотвращения кризисов, сколько для управления выхода из таких ситуаций, возможно, было бы слишком смело надеяться на упорядоченное устранение диспропорций без ущерба для экономического роста.

Таким образом, как и в предыдущих случаях, опасность в том, что выход из политического тупика будет связан со значительно более резкими изменениями, чем это необходимо или желательно. Такой исход представлял бы серьезную угрозу для развивающихся стран, поскольку фундаментальные показатели развития их экономики сверхчувствительны к изменению

процентных ставок и потоков капитала, и замедление темпов роста серьезно сказалось бы на их экспорте.

Уязвимость развивающихся стран к сдвигам в политике крупных индустриальных стран, разумеется, зависит от их нынешнего "состояния здоровья". В 1999 году условия в Латинской Америке еще более ухудшились: впервые с 1990 года упал уровень ВВП на душу населения. Увеличение торгового дефицита и сокращение притока капитала во всем регионе являются признаками неблагополучия на континенте. Однако между странами существуют определенные резкие различия. Сравнительно высокие показатели отмечены в Мексике, благодаря ее постоянно укрепляющимся связям с Соединенными Штатами, а также в ряде малых стран Центральной Америки и Карибского бассейна. Для остальных стран низкий уровень цен на сырьевые товары и обвальное падение внутрирегионального торгового оборота означали, что процесс выработки политики шел в неблагоприятных условиях. Однако жесткая политическая реакция на угрозу "расползания" финансового кризиса, включая сокращение государственных расходов и установление высоких процентных ставок, спровоцировала спад в ряде стран. Ситуация в регионе могла бы быть значительно хуже, если бы Бразилия не выдержала, причем на удивление хорошо, разразившийся в ней финансовый шторм. Напротив, защита Аргентиной привязки национальной валюты к доллару обернулась значительно более тяжелыми последствиями для реального сектора ее экономики в прошлом году, когда объем производства упал более чем на 3%. Для всего региона в целом основная политическая задача по-прежнему заключается в том, чтобы найти способ освободиться от чрезмерной зависимости от внешних ресурсов.

В 1999 году в развивающихся странах Азии темпы роста уверенно повышались, составив в среднем более 5%. Экономические показатели таких крупных стран, как Индия и Китай, по-прежнему превышали средний уровень, однако наибольшее внимание привлекала к себе Восточная Азия, где наблюдался резкий подъем. Впечатляющий рост был отмечен в Республике Корея, а в Малайзии темпы прироста в первые месяцы 2000 года достигли двузначного уровня. Оживление стало очевидным в первой половине 1999 года и в значительной степени

было обусловлено стимулирующей денежно-кредитной и фискальной политикой, при этом дополнительный импульс придавало расширение экспорта, в динамике которого начали ощущаться преимущества девальвации национальных валют. Одним из важнейших факторов являлась высокая степень региональной интеграции: обвальное сокращение внутрирегионального торгового оборота послужило одним из основных каналов для "расползания" кризиса, и по этим же каналам распространяются импульсы, усиливающие процесс оживления в экономике. В 2000 году ожидается сбалансированный рост, однако для некоторых стран, например Индонезии, по-прежнему существует риск ухудшения положения.

В 1999 году Китай также ощущал благотворное влияние экономического подъема в регионе, однако 7-процентные темпы прироста все же оказались самыми низкими за десятилетие. Кратковременное ослабление денежно-кредитной и фискальной политики в целях поощрения спроса не смогло стимулировать частное потребление, вследствие чего рост обеспечивался за счет экспорта и государственных расходов. Ввиду усиления опасений относительно роста безработицы степень уверенности потребителей вряд ли повысится, и политики вынуждены искать новый путь роста, который позволил бы нейтрализовать действие таких сил, как дефляция, перепроизводство и избыток мощностей. Ожидается, что присоединение к ВТО сыграет свою положительную роль, однако больший упор также делается на развитие внутренних районов. С другой стороны, если присоединение к ВТО потребует девальвации валюты Китая в целях защиты ряда наименее конкурентоспособных промышленных предприятий страны (особенно тех, которые по-прежнему принадлежат государству) от неожиданного наплыва импортных товаров, то это, вероятно, будет иметь негативные последствия для других стран региона. Экономический рост в Индии основывался на динамичном развитии промышленного сектора и сферы услуг. Даже несмотря на резкое замедление, отмеченное в сельскохозяйственном секторе, темпы прироста в этой стране в 1999 году составили почти 7%, и, как ожидается, набранный темп сохранится и в текущем году.

В 1999 году Африке вновь не удалось повторить пиковых результатов 1996 года. Действительно, темпы прироста упали даже ниже 3-процентного уровня двух предшествующих лет, а доходы на душу населения фактически остались неизменными. В то же время следует отметить ряд позитивных моментов. В 1999 году на экономике стран КФА благотворно сказалось обесценение евро, поскольку это повысило их конкурентоспособность, а сочетание таких факторов, как политическая стабильность, рост сельскохозяйственного производства и увеличение притока капитала в Северную и Восточную Африку, позволило странам этих районов добиться определенных обнадеживающих результатов. После целого ряда неудачных лет спад в экономике Нигерии и Южной Африки, по-видимому, прекратился. Однако в целом для экономического подъема на африканском континенте пока не сложились необходимые внутренние и внешние условия. Во многих странах вследствие политических конфликтов и неблагоприятных погодных условий у тех, кто определяет экономическую политику, остался небольшой выбор. Что касается остальных стран, то на состоянии их экономики сказались непредвиденные изменения на глобальных сырьевых рынках. Особенно негативные последствия имели сохранение цен на тропические напитки на низком уровне и резкое падение цен на какао и кофе, а страны – импортеры нефти сильно пострадали от повышения цен на сырую нефть. В случае повышения цен на сырьевые товары в 2000 году, возможно, темпы роста несколько повысятся, хотя наибольшую выгоду из этого извлекут страны Северной Африки. Для африканских стран к югу от Сахары основная политическая задача по-прежнему заключается в том, чтобы найти способ решить проблему нехватки сбережений и иностранной валюты и увеличить объем инвестиций, с тем чтобы добиться по меньшей мере 6-процентного среднегодового прироста. Это потребует расширения официальной финансовой помощи и облегчения долгового бремени, а также более прагматичного подхода к внутренним реформам.

В странах с переходной экономикой были отмечены самые высокие за все десятилетие темпы прироста, составившие около 2,4%. Однако для экономики этого региона характерны неустойчивость и колебания. События первой половины года носили на себе явный отпечаток последствий российского кризиса.

Однако заметное расширение экспорта в ЕС позволило многим странам Центральной Европы обеспечить более высокие, чем в среднем по региону темпы роста. Но все же более неожиданным является оживление в экономике Российской Федерации, где благодаря резкому повышению цен на нефть и девальвации рубля темпы прироста в 1999 году в конечном счете составили свыше 3%. Предполагается, что набранный темп сохранится и в нынешнем году. Тем не менее, вялая динамика экспорта и сохраняющаяся угроза инфляции в странах с переходной экономикой продолжают во многих случаях препятствовать получению международных финансовых ресурсов. Несмотря на прекращение открытого конфликта в Юго-Восточной Европе, макроэкономическая обстановка здесь остается неустойчивой, а экономические перспективы – нерадужными. Стоящие перед этими странами задачи схожи с теми, которые стараются решить большинство стран развивающегося мира, и мер, принимавшихся до сих пор развитыми странами, и в этом случае пока оказалось недостаточно.

* * *

Несмотря на быстрый подъем с низкого стартового уровня 1998 года, серьезную угрозу для перспектив роста в развивающихся странах по-прежнему создает уязвимость к воздействию внешних факторов. Согласованные усилия развивающихся стран, направленные на то, чтобы сделать их полноправными участниками процессов, происходящих во все более взаимозависимой глобальной экономике, по-прежнему заходят в тупик из-за перекоса и диспропорции в торговой и финансовой системе. Слишком большое число экспортеров борется за доступ к рынкам в богатых странах, и резкие колебания цен, подобные тем, с которыми ранее сталкивались производители сырья, начали также расстраивать планы производителей промышленной продукции. В Сиэтле выявилось нежелание продвигаться в направлении проведения нового раунда многосторонних торговых переговоров, в рамках которых были бы учтены нужды бедных стран в области развития, в том числе трудности, которые встают перед ними при выполнении обязательств, взятых на Уругвайском раунде, и дисбаланс в торговле между крупными промышленно развитыми странами только усиливает тревогу, испытываемую развивающимися

странами. Даже после долгих лет трудно давшихся внутренних реформ рост в развивающихся странах по-прежнему зависит от крайне неустойчивых потоков капитала.

Перспективы роста развивающихся стран зависят от того, каким образом будут решаться все эти проблемы. Ясно, что в условиях все более взаимозависимой глобальной финансовой и торговой системы их нельзя решить, опираясь лишь на действие рыночных сил и денежно-кредитную политику. Для того чтобы в полной мере реализовать потенциал новых технологий с целью преодоления расширяющегося разрыва между богатыми и бедными странами, необходимо расширить международное сотрудничество и диалог. Для этого нужны действительно смелые лидеры, подобные тем, которые стали предвестниками наступления последнего "золотого века".

Кризис и экономический подъем в Восточной Азии

Финансовый кризис в Восточной Азии со всей очевидностью показал, какую потенциальную угрозу для развивающихся стран представляют совокупные последствия глобальных диспропорций и спекулятивного давления. Оживление экономики региона в прошедшем году разворачивалось обнадеживающими темпами. Однако тот факт, что и глубина кризиса, и темпы подъема оказались неожиданностью даже для тех, кто определяет экономическую политику, должен предостеречь от чрезмерного оптимизма.

Хотя кризис в каждой стране имеет свои характерные особенности, можно практически не сомневаться в том, что в своих экстремальных формах и кризис, и последующий подъем в значительной мере явились результатом непродуманной политики. На первых порах принимались излишне жесткие меры, но надежды на то, что с помощью жесткой денежно-кредитной политики удастся быстро стабилизировать валютный курс и тем самым обеспечить рост за счет притока инвестиций, были неоправданны. Ужесточение денежно-кредитной политики усугубляло кризисные явления, углубляя процесс дефляции задолженности, запущенный спекулятивными атаками, и подавляло объем производства и уровень занятости. Равным образом, национальные валюты

удалось стабилизировать отнюдь не благодаря повышению процентных ставок; это явилось скорее результатом наращивания резервов за счет массированного ограничения импорта и сокращения объема иностранных требований вследствие пересмотра сроков погашения долга или принятия более нестандартных мер, таких, как контроль за движением капитала. В самом деле, повышение процентных ставок имело гораздо более разрушительные последствия, чем обесценение национальных валют, вызвав серьезные нарушения в функционировании корпоративного и финансового секторов.

После того, как правительства, отказавшись от политики жесткой экономии, получили возможность играть более позитивную роль, экономика стран просто вернулась в исходное состояние. Поворот в политике был вызван глубиной кризиса и всеобщей критикой, а не реализацией пакета тщательно продуманных поэтапных мер; в этом смысле трудно переоценить позитивное влияние на весь регион примера Малайзии, которая проводила политику, основанную на самостоятельно определенных задачах и приоритетах. Оглядываясь назад, можно сказать, что выделение в достаточных размерах международных ликвидных средств для пополнения резервов с параллельным введением на временной основе валютного контроля и "замораживания" и пролонгации долга (секретариат ЮНКТАД рекомендовал принять эти меры еще на начальном этапе кризиса), явилось бы гораздо более эффективным ответным шагом, чем проводившаяся в реальности политика высоких учетных ставок.

За исключением Индонезии, доходы на душу населения в других странах вернулись к докризисным уровням или превысили их; упрочились обменные курсы; существенно сократился разрыв в процентных ставках при осуществлении международных заимствований; и начался процесс возвращения иностранного капитала. Несмотря на это, есть основания для беспокойства. Во-первых, подъем сопровождался лишь ограниченной реструктуризацией корпораций, и состояние финансового сектора по-прежнему зависит от государственного вмешательства в функционирование кредитного механизма.

Во-вторых, в динамике экспорта вряд ли сохранятся темпы, набранные в последнее время, и, к тому же, в большинстве стран, серьезно пострадавших от кризиса, происходит увеличение государственного дефицита и задолженности. Поскольку преждевременное ужесточение финансово-бюджетной политики может задушить рост, с фискальной консолидацией следует подождать до тех пор, пока частный спрос не превратится в главную движущую силу роста. Однако этот процесс может затормозиться из-за хронической безработицы и наличия избыточных мощностей во многих отраслях промышленности.

И наконец, подъему до сих пор способствовало весьма благоприятное состояние мировой экономики, которое может измениться. Резкое замедление роста в Соединенных Штатах и ухудшение глобальных финансовых условий может повлечь особенно негативные последствия, поскольку платежные балансы стран региона уже становятся пассивными, что обуславливает необходимость внешнего финансирования. В случае повышения зарубежных процентных ставок может возникнуть дилемма: привлечение иностранного капитала потребует отказа от мягкой денежно-кредитной политики, однако это может замедлить рост, блокируя действие внутренних сил, питающих экономический подъем, и усугубляя трудности банковской системы.

Как и во время других вспышек финансовых кризисов в странах с формирующейся рыночной экономикой, изменение макроэкономических агрегатных показателей, особенно сокращение нехватки внутренних ресурсов и улучшение состояния баланса по текущим операциям, а также резкая девальвация национальных валют, сопровождалось серьезными негативными сдвигами в распределении доходов в Восточной Азии. Уровень занятости и заработная плата, как правило, отставали от роста совокупных доходов в условиях экономического подъема, а нищета по-прежнему значительно превышала докризисные уровни. Это согласуется с тревожной тенденцией в развивающемся мире, где при восстановлении темпов роста эффект сокращения масштабов нищеты ощущается гораздо слабее, чем эффект расширения ее масштабов в случае сопоставимого по своим размерам спада.

Долгосрочные последствия всех этих процессов для стран Восточной Азии представляются весьма неясными. Если неблагоприятные глобальные условия подорвут рост в регионе, то социальная сфера некоторое время будет испытывать на себе влияние остаточных кризисных явлений. Действенная борьба с нищетой может быть возобновлена лишь на основе такой стратегии роста, которая обеспечивает большую социальную интеграцию и темпы, более близкие к долгосрочному среднему показателю. Крайне важно то, каким образом правительства будут переходить от политики управления кризисом назад к политике управления процессом интеграции в мировую экономику.

Один из важнейших уроков финансового кризиса, несомненно, заключается в том, что в условиях чрезмерной опоры на иностранные ресурсы и зарубежные рынки перспективы роста уязвимы к воздействию внешних потрясений. Директивные органы совершенно справедливо отвергают идею возврата к протекционизму, однако было бы столь же неверно допускать, чтобы будущий рост и развитие диктовались глобальными рыночными силами. Благодаря внутренним сбережениям, которые, вероятно, сохранятся на высоком уровне, зависимость от иностранного капитала, необходимого для сокращения отставания от ведущих индустриальных стран по показателю доходов, будет, соответственно, ниже. Кроме того, повышенное внимание следует уделить внутренним источникам роста, таким, как увеличение доли заработной платы и расходов на социальную сферу. Важную роль призваны также сыграть государственные капиталовложения и вовлечение в этот процесс государства, ориентированного на развитие и руководствующегося новой политической повесткой дня. Региональные экономические связи, по всей вероятности, сохранят свое значение, и их следует укреплять, в частности путем создания механизмов "коллективной защиты" от системной финансовой нестабильности и "расползания" кризисных явлений.

Рубенс Рикуперу
Генеральный секретарь ЮНКТАД